

ПОСЛЕДНЕЕ ИНТЕРВЬЮ
Андрея Андреевича
ГРОМЫКО

**АССОЦИАЦИЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ ИМЕНИ А. А. ГРОМЫКО
ИНСТИТУТ ЕВРОПЫ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

ПОСЛЕДНЕЕ ИНТЕРВЬЮ Андрея Андреевича ГРОМЫКО

**Ассоциация
внешнеполитических
исследований
имени А. А. Громыко**

**МОСКВА
2019**

УДК 327(47+57:73)(047.53)
ББК 66.4(2Рос),9(7Сое),3ю14

Громыко, Андрей Андреевич

П62 Последнее интервью Андрея Андреевича Громыко /
Ассоциация внешнеполит. исслед. им. А. А. Громыко,
Ин-т Европы Российской акад. наук. — М.: ИЕ РАН,
2019. — 40 с.

ISBN 978-5-98163-129-0

© Ассоциация внешнеполитических исследований имени А. А. Громыко, 2019
© Институт Европы Российской академии наук, 2019
© Ал. А. Громыко, 2019

30 июля 1989 г. в № 30 журнала «Огонек» было опубликовано последнее интервью Андрея Андреевича Громыко, которое он дал главному редактору журнала В. А. Коротичу. Интервью также снимали Гостелерадио СССР и британская компания «Сентрал ТВ» для использования в англо-американско-японском фильме «Ядерный век». Недавняя расшифровка интервью на основе его оригинальной видеозаписи из архива семьи А. А. Громыко показала, что большая часть текста ответов не вошла в материал указанного журнала. Впервые публикуем полный текст последнего интервью Андрея Андреевича Громыко.

Алексей Анатольевич Громыко

В. А. Коротич: Андрей Андреевич, понял ли Сталин в Потсдаме значение сказанного Трумэном о том, что Соединенные Штаты создали ядерное оружие, атомную бомбу?

А. А. Громыко: Я очень хорошо помню этот момент, случилось это на восьмой день Потсдамской конференции. Сразу же после окончания пленарного заседания Трумэн встал со своего места и подошел к Сталину. Он тоже встал со своего места, собираясь выходить из зала, рядом с ним был переводчик нашей делегации Павлов. Вблизи стоял и я с некоторыми другими участниками заседания. Трумэн обратился к Павлову: «Переведите, пожалуйста». Сталин остановился и повернулся к Трумэну. Я заметил, что в нескольких шагах от Трумэна приостановился Черчилль. «Я хотел бы сделать конфиденциальное сообщение, — сказал Трумэн. — Соединенные Штаты создали новое оружие большой разрушительной силы». Он понял, о каком оружии идет речь, и сказал: «Благодарю за информацию». Трумэн постоял, вероятно, ожидая еще какой-нибудь ответной реакции, но ее не последовало. Сталин спокойно вышел из зала, и на лице Трумэна было написано как бы недоумение. Он повернулся и тоже пошел, но в другую сторону от Сталина, в те двери, за которыми находились рабочие помещения американской делегации.

«Я хотел бы сделать конфиденциальное сообщение, — сказал Трумэн. — Соединенные Штаты создали новое оружие большой разрушительной силы».

Запомнилось это событие чисто визуально. Но, как выяснилось впоследствии, и до него, и после происходило немало такого, что с ним связано непосредственно. Доказано, что Трумэн специально попросил перенести встречу в Потсдаме на более поздние сроки, для того чтобы испытания ядерного оружия уже прошли и чтобы Соединенные Штаты на совещании «Большой тройки» имели возможность говорить с позиции силы. Трумэн отплыл из Америки в Европу на борту крейсера «Августа», и пока корабль шел через Атлантику, президент регулярно получал шифровки из шта-

та Нью-Мексико. Именно там, в этом штате, в обстановке глубочайшей секретности готовилось испытание ядерной бомбы. Телеграмма, которую он ждал больше всего, пришла 18 июля, на следующий день после открытия Потсдамской конференции. В депеше сообщалось о результатах испытаний новой бомбы. Трумэн получил сообщение утром, а днем уже советовался с Черчиллем, как лучше всего поставить об этом в известность Сталина. Как видите, действовали оперативно. У Трумэна созревали планы — оказать давление с помощью новой бомбы на советского партнера по антигитлеровской коалиции. Его взгляды разделял Черчилль, потому и размышляли они, быстро найдя общий язык, как лучше воздействовать на Сталина, сообщив о новом оружии.

Доказано, что Трумэн специально попросил перенести встречу в Потсдаме на более поздние сроки, для того чтобы испытания ядерного оружия уже прошли.

Обстановка в те дни была непростой, продолжалась война с Японией. Советский Союз еще на конференции в Ялте взял на себя обязательство вступить в войну с Японией не позднее чем через 3 месяца после окончания войны с Германией, тем самым выполнить свой союзнический долг и ускорить окончание Второй мировой войны. Тут я должен сказать, что ранее на Тегеранской конференции наши союзники всячески подталкивали Советский Союз на то, чтобы он поскорее начал военные действия против Японии. Сталин отвечал на это: «Да, Советский Союз готов будет начать военные действия против Японии, но прежде Германия должна быть повергнута».

Ранее на Тегеранской конференции наши союзники всячески подталкивали Советский Союз на то, чтобы он поскорее начал военные действия против Японии.

Обсуждались разные варианты, как передать информацию об испытаниях советской стороне. Было решено сказать об этом оружии Сталину как бы между прочим,

невзначай. Причем в разговоре со Сталиным не вдаваться ни в какие детали, но сделать это следует после того, как придет подробный отчет об испытаниях бомбы. На этом и договорились Трумэн с Черчиллем. Подробный отчет об испытаниях ядерного оружия пришел 21 июля, но президент США терпеливо выждал еще 3 дня, у него были свои внутренние расчеты. С 21 июля он стал более активно выступать, вступать в споры со Сталиным, чаще возражать ему по тем вопросам, которые до этого не вызывали особых сомнений, это бросалось в глаза.

Не зная в действительности, что произошло, что придало его заявлениям такой характер, некоторые из наших товарищей полушутя высказывались так, я к ним принадлежал тоже: он впервые встречается со Сталиным, сначала был более осторожен, а теперь показывает характер. Но правда выплыла наружу 24 июля, в разговоре Трумэна со Сталиным, с которого я начал рассказ. Впоследствии, когда Трумэн и Черчилль обсуждали этот эпизод, они пришли к выводу, что Сталин, скорее всего, не придал значения сообщению об испытаниях, так они решили.

На самом деле все получилось как раз наоборот, он решил переговорить с ученым Курчатовым, это был всемирно известный ученый, большого авторитета, об ускорении нашей работы. И переговорил с ним. Курчатов принял это как руководство к действию. Вскоре после этого было испытано и первое советское ядерное оружие, которое никогда не применялось против людей. Это хорошо известно, история это записала в своих мемуарах. Таким образом, Сталин прекрасно понял намек Трумэна в Потсдаме.

В. К.: Андрей Андреевич, американцы бомбу взорвали над людьми, над Хиросимой. В тот момент советское руководство ощутило это как угрозу себе или приветствовало такой взрыв?

А. Г.: Факт ядерных бомбардировок Японии вызвал осуждение и в советском руководстве, и в целом у советского народа. Это я должен вновь подчеркнуть решительно. После окончания Потсдамской конференции я вместе с советской

делегацией возвратился в Москву, это было в начале августа 1945 г. Вот тогда-то и пришли сообщения о ядерных бомбардировках Хиросимы и Нагасаки. Если кто-то в настоящее время оценивает события тех дней иначе, то это просто искажение фактов. Советский Союз не только не приветствовал ядерные бомбардировки японских городов, но расценивал эти факты как преступление, я повторяю эти слова — как преступление.

С военной точки зрения не было никакой необходимости применять это новое оружие. Советская армия в то время уже практически разгромила Квантунскую армию, и тем самым СССР внес решающую победу над Японией. Милитаристская Япония уже была близка к тому, чтобы окончательно капитулировать, близка. Объективные люди в США тоже придерживаются такой точки зрения. Так что и в то время у Советского Союза по отношению к ядерному оружию совесть была чиста. Еще не обладая этим оружием, он понимал, что это оружие не должно применяться в войне. Всем известно, что Советский Союз руководствуется этим принципом и сегодня.

С военной точки зрения не было никакой необходимости применять это новое оружие. Милитаристская Япония уже была близка к тому, чтобы окончательно капитулировать.

И закончить ответ на этот вопрос я хотел бы ссылкой на слова М. С. Горбачева, который в своем выступлении в ООН 7 декабря 1988 г. точно охарактеризовал появление ядерного оружия, которое лишь трагическим образом подчеркнуло фундаментальный характер изменений, которые происходят в мире. Далее он сказал, мне очень нравятся эти сильные слова: «Как материальный символ, носитель абсолютной военной силы, оно одновременно обнажило и абсолютные пределы этой силы». Сказано точно и сильно, об этом никогда не надо забывать.

В. К.: Это верно. Сегодня многие историки на Западе, политологи возвращаются к целому ряду плановых предложений, сделанных тогда, в частности, вспоминается так

называемый план Баруха. Возражения советского правительства, которые были против этого плана, каковы они, какие были возражения?

А. Г.: Это дела давно минувших дней. Барух — это американский мультимиллионер, который был видным экономистом и государственным деятелем. Когда президентом стал Трумэн, он назначил этого финансиста представителем Соединенных Штатов в комиссии ООН по атомной энергии, такая была создана комиссия. Барух вполне отвечал новому послевоенному курсу американской администрации. Вот там, в этой комиссии, мы с ним и встретились, я к тому времени уже был заместителем министра иностранных дел СССР, постоянным представителем СССР при ООН. Меня назначили в этой комиссии представителем Советского Союза. Там мы с ним и защищали интересы своих стран, пытаясь найти сближение позиций. Правда, ему было 77, а мне 37, но это никакого значения не имело. Дипломат в любом возрасте должен уметь быть бойцом, выступать в пользу своего народа, а Барух, как дипломат, орешек был твердый. Тем более что и назначение в комиссию оказалось последним в его жизни официальным постом. В скором времени он вышел в отставку, умер он в возрасте 95 лет.

Так вот, 14 июня 1946 г. Барух внес в комиссию ООН по атомной энергии план, который сразу же получил его имя, как обычно говорили — план Баруха. Как выяснилось впоследствии, Барух, конечно, принимал участие в его разработке своими советами, но весь план сделала специальная комиссия Госдепартамента США под руководством Дина Ачесона, будущего государственного секретаря США. Кстати, эта же комиссия во главе с Ачесоном разрабатывала не только план Баруха, но и доктрину Трумэна, и план Маршалла, и материалы по созданию НАТО. Иными словами, весь пакет американских документов, инициативы, которые способствовали развязыванию и осуществлению холодной войны.

План Баруха, если говорить о нем коротко, был рассчитан на сохранение монополии США на ядерное оружие. Многие недопонимали в то время сути этого плана, но именно так обстояло дело. Это было на первоначальном этапе, когда

ядерное оружие только появилось, когда Советский Союз еще не проводил своих ядерных испытаний, но уже наша страна стояла за то, чтобы оно никогда не применялось и никогда не бралось на вооружение. Мы выступали за то, чтобы оно было запрещено навечно путем строгих международных соглашений, мы были за заключение такого рода соглашения.

План Баруха, если говорить о нем кратко, был рассчитан на сохранение монополии США на ядерное оружие.

Администрация США сделала упор на то, что Соединенные Штаты, дескать, тоже имеют благородные намерения. Ядерное оружие не должно применяться, поэтому, они утверждали, необходимо создать специальный международный орган, который будет контролировать использование ядерной энергии. На запрос Советского Союза — как мыслится решение вопросов в этом органе? — ответ последовал такой: они будут решаться большинством голосов государств, входящих в состав этого органа, я повторяю, большинством голосов. Сразу же стало ясно, что вся концепция была рассчитана на то, чтобы решения принимались в угоду Вашингтону, поскольку США в тогда созданных международных организациях имели механическое большинство голосов, надо признать. А Советский Союз в этих условиях был бы лишен возможности защищать свои интересы.

В. К.: Андрей Андреевич, но чем существенно отличался план Советского Союза по этому же вопросу, у нас был свой план?

А. Г.: В отличие от США Советский Союз требовал у комиссии полного запрещения производства и применения ядерного оружия. В течение только двух лет — 1946–1947 гг. — мы внесли предложения, направленные на заключение ряда международных соглашений. Я не буду их перечислять, много таких предложений было, цель состояла в том, чтобы запретить производство и применение ядерного оружия, уничтожить запасы готового, а также находящегося в производстве такого оружия. Мы хотели создать систему строгого

контроля над всеми предприятиями по добыче ядерного сырья и производства ядерных материалов и ядерной энергии. Таким образом, уже тогда Советский Союз показал всю фальшь утверждений, будто бы он не хотел эффективного контроля над выполнением соглашений, обеспечивающих применение ядерной энергии только в мирных целях.

Цель состояла в том, чтобы запретить производство и применение ядерного оружия, уничтожить запасы готового, а также находящегося в производстве такого оружия.

Однако наше государство считало, что решение в международном контрольном органе должно приниматься так, как это принято в Совете Безопасности ООН, при единогласии пяти его постоянных членов. Наши предложения были решительно отклонены. США шли своим курсом на утверждение своей монополии. Наши продолжительные встречи с Барухом, с другими американскими представителями, в ходе которых мы пытались доказать абсурдность подобного курса США, к положительным результатам не привели, к сожалению. Барух не уходил от разговора, но всегда ссылаясь, что это, мол, не его позиция, а позиция Вашингтона, и он не в силах повлиять на ее изменение. Позиция Вашингтона — как будто нам от этого легче было.

В декабре 1946 г. Соединенные Штаты, пустив в ход послушную им машину голосования, протащили основные положения плана Баруха через комиссию ООН по атомной энергии. И тем самым показали, что выступают против запрещения ядерного оружия, повторяю, против запрещения ядерного оружия. США пытались навязать план Баруха Совету Безопасности, Генеральной Ассамблее ООН. Однако в 1948 г. он был возвращен в комиссию ООН по атомной энергии для дальнейшего рассмотрения. Возвращен туда, где он первоначально рассматривался, но навязать его нам было нельзя, Советский Союз голосовал бы против. А в 1949 г. по настоянию США и эта комиссия ООН по атомной энергии прекратила свою деятельность. Так бесплодный план Баруха был похоронен.

В декабре 1946 г. Соединенные Штаты, пустив в ход послушную им машину голосования, протащили основные положения плана Баруха через комиссию ООН по атомной энергии.

В. К.: И все-таки, как вы полагаете, Андрей Андреевич, была ли упущена в тот момент возможность остановить гонку вооружений до того еще, как она началась?

А. Г.: Да, я думаю, что именно тогда была упущена возможность остановить гонку ядерных вооружений. Да еще до того, как она развернулась, наверное, и не только ядерных, но и обычных [вооружений]. Из сказанного мною ясно, кто повинен в том, что такая возможность была упущена. Хотел бы обратить внимание на то, что Потсдамская конференция закончилась речью ее председателя, в тот день президента Трумэна, в которой он выразил надежду, что все ее участники вновь встретятся на предстоящей мирной конференции. Но это были только слова, к сожалению, Трумэн больше никогда не встречался со Сталиным. Не собирался президент США участвовать и в мирной конференции, курс Соединенных Штатов изменился, ядерное оружие создавало иллюзию силы в расчете на то, что Советский Союз далеко отстал.

В сентябре 1945 г. в соответствии с решением Потсдамской конференции в Лондоне состоялась первая сессия Совета министров иностранных дел, на ней появился в качестве советника госсекретаря США Джон Фостер Даллес, фамилия хорошо известная. Уже тогда намечалось ужесточение, притом крутое, внешней политики администрации Трумэна. Заметьте, что эти действия относятся к сентябрю 1945 г. А 5 марта 1946 г. в Фултоне Черчилль произнес речь, в которой призвал создать англо-американский военный союз для борьбы с восточным коммунизмом. Эта речь явилась открытым провозглашением холодной войны, которая, как видите, вызревала и до этого.

В. К.: И все-таки примеры сотрудничества великих стран, великих народов были, существовало такое понятие,

как «Большая тройка». Почему создавшаяся в годы войны «Большая тройка», по-вашему, распалась?

А. Г.: Я не хотел бы злоупотреблять термином «распалась». Верно то, что ряд решений, принятых тремя державами, например, по территориальным вопросам, действует и сейчас. И их никто не в силах отменить. Однако верно и то, что решения «Большой тройки», принятые в Тегеране и в Потсдаме, были не полностью выполнены. Нарушали договоренности «Большой тройки» наши союзники и в годы войны, и после нее. Особое значение имело, конечно, нарушение соглашений по германскому вопросу, а также по вопросу сокращения вооружений, вооруженных сил и разоружения. Разумеется, во всем этом важнейшее место занимал вопрос о запрещении ядерного оружия, о чем я уже говорил.

По германскому вопросу курс наших западных союзников вначале был направлен на то, чтобы разорвать Германию, я бы сказал так — разорвать на куски. Все предложения Советского Союза о том, что Германия должна стать единым миролюбивым и демократическим государством, сначала отклонялись под всяческими предлогами, а потом были решительно отвергнуты. Тема демилитаризации Германии также отметалась.

По германскому вопросу курс наших западных союзников вначале был направлен на то, чтобы разорвать Германию, я бы сказал так — разорвать на куски.

Хорошо известна политика правительства Аденауэра, оно пошло на установление дипломатических отношений с Советским Союзом, но не больше. Это правительство фактически исполнило реквием по единой Германии. Думаю, что история никогда не простит такой позиции ни правительству Аденауэра, ни тем западным державам, которые с ним солидаризировались, хотя до этого, в годы войны, воевали вместе с нами против общего врага — германского фашизма.

Крупным фактором в разногласиях у «Большой тройки» явилась политика наших бывших союзников, направленная

на гонку вооружений, на сохранение многочисленных американских баз на чужих территориях. Всех баз, значительная часть которых была создана еще в годы войны. И по этому вопросу Советский Союз вносил много предложений, чтобы разрядить напряженность в мире и ликвидировать эти базы. Наши инициативы отвергали с ходу, как правило, без особых обсуждений. Вот, если говорить коротко, показатели того, что произошло с «Большой тройкой» после войны.

В. К.: И в то время, когда Советский Союз, вы это знаете лучше других, только еще планировал создать свое ядерное оружие, свою первую атомную бомбу, Соединенные Штаты уже создавали ядерный арсенал. Как мы в то время планировали ответить на возможный ядерный шантаж?

А. Г.: В тот период, когда США начали создавать ядерный арсенал, Советский Союз сделал все возможное, чтобы исключить появление в политике ядерного шантажа. С этой целью он выдвигал много различных предложений, самым эффективным средством, которое исключало бы такое появление, было запрещение ядерного оружия навечно и решение вопроса об использовании ядерной энергии только в мирных целях. Советский Союз внес это предложение и на принятии его постоянно настаивал, о чем я уже говорил. Однако эту позицию наши союзники отвергли. Советский Союз вынужден был умножить усилия по созданию собственного ядерного оружия, и оно стало фактом. Но не через 7 лет, как утверждали американские эксперты, а в 1949 г., всего через 4 года после появления первой ядерной бомбы в Соединенных Штатах.

В тот период, когда США начали создавать ядерный арсенал, Советский Союз сделал все возможное, чтобы исключить появление в политике ядерного шантажа.

В. К.: У нас появилась ядерная бомба, ядерное оружие. В значительной ли степени повлиял этот факт на наши отношения с Соединенными Штатами, с их союзниками в то время?

А. Г.: Советский Союз создавал свое ядерное оружие в ответ американскому вызову. После его создания наша страна продолжала борьбу за ядерное разоружение, за запрещение использования этого оружия в военных целях. Советский Союз и до создания своего оружия этого типа предупреждал США и их союзников, что монополия на ядерное оружие долго удержаться не может. Так оно и случилось. Конечно, в сложившейся обстановке испытательный взрыв первой советской ядерной бомбы не способствовал улучшению отношений между Советским Союзом и западными державами. Это ясно, но было бы намного хуже, если бы у Советского Союза не было своей ядерной бомбы, прежде всего было бы намного хуже Советскому Союзу.

В. К.: И тем не менее конфронтация происходила. Мы сейчас говорим о том, возможны ли были альтернативы ей? Например, была ли альтернатива конфронтации по вопросу о Берлине, которая бы позволила Советскому Союзу сохранить свои законные интересы безопасности в Европе в то время?

А. Г.: Да, Советский Союз выдвинул ряд альтернативных предложений по вопросу о Берлине. Их принятие позволило бы нашей стране оградить свои законные интересы безопасности в Европе. К тому же оно отвечало бы интересам и самих немцев, как в ГДР, так и в ФРГ. В частности, я имею в виду придание Берлину статуса вольного города, сейчас это не часто упоминается, но такое предложение было сделано. Однако наши партнеры по переговорам категорически отвели советское предложение, а точнее, отвергли его.

Да, Советский Союз выдвинул ряд альтернативных предложений по вопросу о Берлине. В частности, я имею в виду придание Берлину статуса вольного города, сейчас это не часто упоминается, но такое предложение было сделано.

После длительных и сложных дипломатических контактов, обмена мнениями, только в 1971 г. было подписано четырехстороннее соглашение по Западному Берлину. Его

участники — СССР, США, Великобритания и Франция — выработали договоренность на основе соглашений и решений военного и послевоенного времени. Четыре стороны совместно заявили, что будут стремиться способствовать устранению напряженности и предотвращению осложнений в связи с Западным Берлином. В этом районе, подчеркнули они, не должно применяться силы и угрозы силой. Что касается правового статуса города, то был зафиксирован факт непринадлежности и неподвластности Западного Берлина Федеративной Республике Германии. И сразу подчеркиваю эти слова, непринадлежности и неподвластности.

Этим актом, я имею в виду четырехстороннее соглашение, Советский Союз оградил свои законные интересы безопасности в Европе и в районе Берлина. Мне довелось подписать это важное соглашение, действующее и в настоящее время.

В. К.: Андрей Андреевич, мы вспоминаем термины «план Баруха», «доктрина Трумэна», смысл которых сегодня памятен в деталях немногим. И возникает вопрос о директиве американского Национального совета безопасности № 68, которая ознаменовала собой огромный сдвиг в отношениях между Соединенными Штатами и Советским Союзом и его взглядах на войну с США. Какой была реакция Советского Союза на это?

А. Г.: Речь идет о директиве Национального совета безопасности США № 68, которая была издана как секретный документ и имела распространение среди очень узкого круга высших официальных лиц правительства и Пентагона. Из этого вытекает два вывода. Во-первых, сдвиг во взглядах на войну мог произойти только у тех, кто знакомился с этой директивой, а не вообще в США. Отношение к войне широких слоев американского общества известно — это активное неприятие, отрицательное отношение к войне, борьба за то, чтобы не допустить ее. Во-вторых, реакция Советского Союза могла иметь место только тогда, когда с [директивой] можно было ознакомиться. А рассекретили этот документ США только 25 лет спустя, иначе говоря, в 1975 г. Значит, и реакция нашей страны на документ могла быть только после

1975 г. Однако факт перемен во внешней политике США мы почувствовали с 1951 г., да и нельзя было не почувствовать.

Итак, что же это была за директива? В ней излагалась доктрина устрашения, [она] была как руководство к этой доктрине, новой военной мысли США в определенный исторический момент. Основная идея, как представляли авторы, состояла в том, чтобы оказывать всестороннее давление на Советский Союз, всестороннее. Заставить его отступить по всему фронту борьбы — политической, идеологической, экономической, духовной, влиять и на внутренние процессы в стране, с тем чтобы они привели к крушению социалистического строя. Вот цель.

В директиве отмечалось, что от переговоров с русскими уходить не надо, иначе Запад американцев не поймет. Значит, переговоры продолжать надо, но только так, чтобы на них не приходило ни к каким результатам, не заключать никаких соглашений, не принимать никаких совместных решений по существу вопросов. Вот и стратегия, и тактика. Даже не зная о директиве, можно было догадаться, что в стратегической линии США по отношению к Советскому Союзу произошли перемены, и, конечно, наша страна это почувствовала. Нас втягивали в холодную войну, и мы вынуждены были принять ответные меры, я повторяю эти слова — вынуждены были принять ответные меры. После атомной бомбы последовала водородная, затем все новые и новые классы ракет. Ну, а когда директива № 68 спустя 25 лет была опубликована, это и время уже было иное.

В директиве отмечалось, что от переговоров с русскими уходить не надо, иначе Запад американцев не поймет. Значит, переговоры продолжать надо, но только так, чтобы на них не приходило ни к каким результатам.

В советско-американских отношениях имела место разрядка. В течение нескольких лет между СССР и США было заключено несколько важных соглашений. Особенно хотелось бы выделить договор по ограничению стратегических наступательных вооружений, так называемый ОСВ-1, и со-

глашение о противоракетной обороне, известное как договор по ПРО. В последнее время о нем много говорилось и говорится, писалось и пишется.

Директиву № 68 оценивали уже историки. Этому документу историки, политологи из ГДР посвятили специальную книгу, она являлась емкой характеристикой всей доктрины устрашения и самой директивы. Резко критическую оценку ей дали и советские ученые, и справедливую оценку.

В. К.: В то время, о котором вы говорите, в конце 1940-х гг., произошла недалеко от советских границ война — конфликт на Корейском полуострове. Создала ли Корейская война определенный сдвиг во взглядах на войну в нашей стране, в Советском Союзе?

А. Г.: Главный вывод, который сделали в нашей стране после Корейской войны, состоит в следующем — не только большие войны, но и небольшие, даже малые, показывают, что надо делать все для того, чтобы в наше время любые разногласия решать путем переговоров, а не путем скрещивания оружия. Советский Союз и в то время считал, да и сейчас считает, что корейский народ хочет жить в едином, миролюбивом и демократическом государстве. Что же касается Южной Кореи, то ее превращение в базу ядерного оружия было навязано народу без всякого на то его согласия. Такое положение, конечно, противоречит нормам современного международного права, интересам мира, в том числе и на Дальнем Востоке. Мы считаем разумной политику КНДР. Вот наше мнение. Я думаю, все, что произошло позже, подтверждает справедливость такого мнения.

В. К.: Я с такой энергией начал задавать следующий вопрос, потому что очень любят на Западе распространять сведения о том, что якобы в это время и позже, в частности, Н. С. Хрущев очень активно преувеличивал ядерную мощь Советской страны. Как вы считаете, было ли это так, если было, с какой целью Н. С. Хрущев преувеличивал советскую ядерную мощь?

А. Г.: Не очень понятно, о чем идет речь, какие имеются в виду слова Хрущева. Я присутствовал на заседании Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке, когда Хрущев говорил, что сейчас ракетно-ядерное оружие уже достигло такого уровня по своей поражающей точности, что мы могли бы расстреливать с его помощью мух высоко над землей. Ясно, что это всего-навсего художественный образ, выражение мыслей, возможно, употребление такого сравнения показалось кое-кому фривольным. Я даже думаю, что так оно и было, сравнение было фривольным, не будем спорить, но смысл его тогда был ясен для всех, и ясен он и сейчас. Мне не известны какие-либо высказывания или заявления Хрущева, в которых бы преувеличивалась советская ядерная мощь, а если он допускал какие-то выражения, которые могли быть расценены в этом свете, то сказаны они были только в пылу полемики, чтобы парировать аргументы некоторых политиков Запада. Разговорная речь иногда отличается от строгого опубликованного текста, это хорошо известно. Хрущев был человек эмоциональный, хорошо понимал, что в запале даже политический лидер иногда может сказать лишнее, поэтому и призывал к объективным и трезвым оценкам, особенно в тех случаях, когда речь шла о ядерном оружии.

Я присутствовал на заседании Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке, когда Хрущев говорил, что сейчас ракетно-ядерное оружие уже достигло такого уровня по своей поражающей точности, что мы могли бы расстреливать с его помощью мух высоко над землей.

В. К.: Сейчас вы, Андрей Андреевич, сказали о том, как можно воспринять разговоры, что якобы Н. С. Хрущев говорил о нашей растущей ядерной мощи. Но в пятидесятые годы тем не менее произошло реальное и быстрое наращивание тактического ядерного оружия США в Европе. И как расценили это в Советском Союзе?

А. Г.: Хочу ответить на этот вопрос кратко. Как выяснилось впоследствии, США тем самым проводили в жизнь

директиву № 68 Национального совета безопасности, о которой мы уже говорили, где излагалась доктрина устрашения, быстрое наращивание страной ракет с ядерными боеголовками, всего того, что называется тактическим ядерным оружием. В Советском Союзе [это] воспринималось резко отрицательно, как один из показателей гонки вооружений.

В. К.: Это так, и недавно прошло четверть века с тех пор, как случился так называемый ядерный, или Карибский, кризис. Называют это по-разному, и сейчас очень часто на Западе задают вопрос — почему Советский Союз тогда решил разместить свои ракеты на Кубе? То ли это было сделано с определенной целью, которую вы знаете? То ли была недооценена возможная реакция Соединенных Штатов на это?

А. Г.: Разъяснения Советским Союзом своей позиции давались неоднократно, могу их только повторить. Шел 1962 г., за год до этого кубинцы разгромили отряды американских наемников, высадившихся на Плайя-Хирон. США стремились помешать становлению социалистического строя на Кубе и подорвать советско-кубинское сотрудничество. То, что они к этому стремились, — это открытая книга истории, но разгром интервентов не остановил определенные круги США, и угроза Кубе нарастала. В этих условиях, ощущая опасность нападения на остров свободы, кубинское правительство летом 1962 г. обратилось к Советскому Союзу с просьбой оказать помощь. Вот тогда-то между двумя странами и была достигнута договоренность по ряду мероприятий, по укреплению обороноспособности Кубы, в том числе и о доставке на Кубу в сугубо оборонительных целях ракетного оружия. Какова была реакция США на это? Она хорошо известна. Она сопровождалась угрозами немедленно начать вторжение на Кубу американской армии.

В начале сентября 1962 г. Советский Союз призвал правительство США проявить благоразумие, не терять самообладание и трезво оценить, к чему могут привести его действия, если оно прибегнет к силе. Наша страна поступила по-государственному, с сознанием большой ответствен-

ности за состояние дел и за возможные последствия того или иного необдуманного шага. Однако американское руководство не прислушалось к этому призыву и продолжало нагнетать обстановку. Надо сказать, что такая реакция США для Советского Союза не являлась неожиданной. Основные факты, относящиеся к этой теме, хорошо известны, едва ли сегодня есть необходимость их перечислять.

В. К.: Андрей Андреевич, 18 октября 1962 г. вы встретились с тогдашним президентом Соединенных Штатов Кеннеди. Не могли бы вы немного рассказать об этой встрече?

А. Г.: Я не удивляюсь, что такой вопрос передо мной поставлен. Да, в тот день, 18 октября, по поручению советского руководства я беседовал в Белом доме с президентом Кеннеди. Речь о Кубе, конечно, зашла. Кубинский вопрос в беседе я поднял по своей инициативе и изложил президенту позицию Советского Союза. «Хочу привлечь ваше внимание, — говорил я, — к опасному развитию событий в связи с политикой правительства США в отношении Кубы». Президент внимательно слушал. «В течение длительного периода времени, — продолжал я, — американская сторона ведет безудержную антикубинскую кампанию, предпринимает попытки блокировать торговлю Кубы с другими государствами, угрожает агрессией. Такой путь может привести к тяжелым последствиям, чего, как мы уверены, не желает ни один народ, в том числе и американский». Кеннеди в ответ сказал: «Нынешний режим на Кубе не подходит США. Если бы там существовало другое правительство, иное было бы и отношение Соединенных Штатов». Заявление было острым.

Я сразу же обратил на это внимание. «А, собственно говоря, — сказал я, — на каком основании американское руководство считает, что кубинцы должны решать свои внутренние дела не по собственному усмотрению, а по усмотрению Вашингтона? Куба принадлежит кубинскому народу, ни США, никакая другая держава не имеет права вмешиваться в ее внутренние дела. Всякие заявления, которые мы слышим от президента и других официальных лиц в том смысле,

что Куба будто бы представляет угрозу для безопасности США, необоснованны. Достаточно сравнить размеры и ресурсы этих двух стран, гиганта и малютки, как станет очевидной вся беспочвенность обвинения в адрес Кубы».

«А, собственно говоря, — сказал я, — на каком основании американское руководство считает, что кубинцы должны решать свои внутренние дела не по собственному усмотрению, а по усмотрению Вашингтона?»

Затем мной было подчеркнуто: кубинское руководство и лично Фидель Кастро перед всем миром не раз заявляли, что Куба никому не намерена навязывать свои порядки, что она твердо стоит за невмешательство государств во внутренние дела друг друга, стремится путем переговоров урегулировать с правительством США все спорные вопросы. Эти заявления, как известно, подкрепляются делами. Все, кто выступают с призывом к агрессии против Кубы, ссылаются на то, что им заявления кубинского правительства недостаточно. Но ведь так можно оправдывать любую агрессию, любую агрессивную акцию против любой страны. Достаточно всего сказать: «А мы с этим не согласны».

В условиях, когда США предпринимают враждебные действия против Кубы, а заодно и против государств, которые поддерживают с ней добрые отношения, уважают ее независимость и оказывают ей, в трудный для нее час, помощь, Советский Союз не будет играть роль стороннего наблюдателя. Это было сказано, да. Кеннеди утверждал: «В администрации США нет плана нападения на Кубу, и Советский Союз может исходить из того, что никакой угрозы Кубе от США не существует». Он при этом сделал важное признание — действия в районе Плая-Хирон были ошибкой. Он, как президент, заявлял, что сдерживает те круги, которые являются сторонниками вторжения, стремится не допустить действий, которые привели бы к войне.

Кубинский вопрос стал действительно серьезным. Вместе с тем Кеннеди интерпретировал далее дела так, как будто обострение обстановки произошло из-за действий Совет-

ского Союза, осуществляющего поставки наступательного оружия Кубе. Затем президент зачитал официальное заявление по Кубинскому вопросу, оправдывающее решение США об установлении блокады вокруг Кубы.

Мне пришлось вновь от имени советского руководства сказать: «Советский Союз призывает правительство США и лично президента не допускать каких-либо шагов, несовместимых с интересами мира, с принципами Устава ООН». На всем протяжении беседы Кеннеди, вопреки некоторым имеющим хождение на Западе утверждениям, ни разу не поднял вопрос о наличии на Кубе советского ракетного оружия, я повторяю, ни разу об этом не упомянул. Следовательно, мне и не надо было давать прямой ответ — есть ли такое оружие на Кубе или нет. Вместе с тем я разъяснил президенту — советская помощь Кубе направлена исключительно на укрепление ее обороноспособности и развитие мирной экономики этой страны. Обучение советскими специалистами кубинцев обращению с оружием, предназначенным для обороны, никак не может расцениваться в качестве угрозы для кого бы то ни было.

На всем протяжении беседы Кеннеди, вопреки некоторым имеющим хождение на Западе утверждениям, ни разу не поднял вопрос о наличии на Кубе советского ракетного оружия.

СССР откликнулся на призыв Кубы о помощи, потому что этот призыв преследует цель устранить нависшую над ней опасность. В заключение беседы мной было сказано: «Господин президент, разрешите выразить надежду, что США имеют теперь ясное представление о советской политике по вопросу о Кубе и о нашей оценке действий США в отношении этой страны».

Беседа с Кеннеди по вопросу о Кубе изобилвала, как сказать поточнее, резкими поворотами, изломами, если можно так выразиться. Он явно нервничал, хотя внешне старался этого не показывать. Он делал противоречивые высказывания: за угрозами по адресу Кубы тут же следовали завере-

ния, что никаких замыслов вторжения на Кубу Вашингтон не имеет. Это последнее заявление, конечно, имеет принципиальный характер. Так это тогда и было расценено и мной, и советским руководством после моего доклада.

То, что у главы Белого дома взял верх здравый смысл, показывает, что за внешностью несколько вышедшего из равновесия человека стоял все же деятель незаурядного ума. Это я хочу откровенно высказать, незаурядного ума и характера. Беседа была продолжительной, я передаю только основной смысл сказанного с обеих сторон по наиболее острому вопросу о Кубе, иначе было бы очень длинно. Она была, пожалуй, самой сложной из всех бесед, которые мне при разных обстоятельствах приходилось вести за 48 лет с президентами США, срок продолжительный.

То, что у главы Белого дома взял верх здравый смысл, показывает, что за внешностью несколько вышедшего из равновесия человека стоял все же деятель незаурядного ума.

В. К.: Вы глубоко знаете весь вопрос, вы знали, что происходило в Вашингтоне, настроение там. Каковы были настроения в Москве по мере того, как развивался Карибский кризис?

А. Г.: Настроение — это не совсем подходящее слово, иногда оно подходит, иногда не очень подходит, чтобы выразить отношение и руководства страны, да и народов в целом, в сложившейся ситуации, в связи с вопросом о Кубе. Существовала, конечно, большая степень напряженности, это надо сказать. Люди с огромным вниманием присматривались и прислушивались к тому, что происходит. На невидимых весах взвешивались все сомнения, сообщения, связанные с Карибским кризисом. Конечно, руководство страны имело более полную информацию. Все хотели, чтобы наступила разрядка в этом вопросе. Было широко известно, что и в Вашингтоне, и в Москве серьезно обдумывается вопрос о том, как выйти из создавшегося положения. Обе столицы, конечно, понимали, что означало бы применение крайних мер в отношении Кубы. Хотя в США были горячие

головой, это надо сказать, и у некоторых деятелей эмоции преобладали над здравым рассудком, но в целом общественность США отдавала отчет в том, что означало бы прибегнуть к крайним мерам, то есть ядерному оружию. Это следует сказать, говоря о народе в целом.

Когда президент Кеннеди заявил, что США не намерены вторгаться на Кубу, об этом я сказал уже, открылась возможность договоренностей. Она стала еще более определенной, когда США дали понять, что они снимут блокаду Кубы и, кроме того, готовы убрать свое ракетное оружие с территории Турции. Иногда, говоря о Карибском море и о кубинском вопросе в те времена, упускают этот вопрос о Турции. А ведь в договоренность, которая была достигнута, входил этот вопрос. Соединенные Штаты взяли на себя обязательство вывести свои ракетные силы с территории Турции.

Много раз представители Советского Союза и в то время, и в последующие годы, политические деятели разных стран спрашивали — существовала ли тогда опасность ядерной войны? Сегодня я ответил бы так: ситуация включала в себя долю риска, но реальной опасности развязывания ядерной войны между Советским Союзом и США не существовало. Я имею основание для этого утверждения.

Президент Кеннеди и его администрация сдержали обещание не вторгаться на Кубу. Развитие новой Кубы пошло своим путем, путем независимого суверенного государства, народ которого сам определяет, какой режим должен существовать в этой стране. Это миролюбивое государство, дружбу с которым мы высоко ценим, и не только мы, многие государства мира.

В. К.: Андрей Андреевич, вот теперь, с высоты своего опыта, какие уроки следует нам извлечь из опыта Кубинского кризиса?

А. Г.: Урок следует извлечь один — никто, ни одно государство не должно навязывать ни одной стране, независимо от ее размеров и численности населения, режим, который неприемлем для ее народа. Иначе говоря, не должны вмешиваться в ее внутренние дела. Советский Союз в своей

политике по отношению к другим государствам строго исходит из этого ленинского принципа. Обе стороны в те дни поступили правильно, проявив выдержку. Вся эта конфронтация по кубинскому вопросу между США и СССР, по моему убеждению, и сегодня демонстрирует крупным державам необходимость искать взаимоприемлемые мирные решения, казалось бы, даже в очень сложных и критических ситуациях.

С удовлетворением хочу подчеркнуть, что М. С. Горбачев неоднократно повторил эту мысль во время встречи с президентом США и руководителями других государств. В этом суть нового мышления в международных делах.

В. К.: Андрей Андреевич, как политик вы встречались со многими руководителями внешней политики Соединенных Штатов. Один из них — Генри Киссинджер считал и считает, что контроль над вооружением должен быть связан с другими направлениями внешней политики. Какова точка зрения Советского Союза по этому поводу?

А. Г.: Верно то, что проблемы контроля над вооружением и проблемы разоружения связаны с другими направлениями внешней политики, отрицать этого нельзя. Однако как понимать эту связь? Можно понимать так, что проблему контроля над вооружениями и проблему разоружения необходимо решать непосредственно, не связывая их с переговорами по другим вопросам внешней политики. А можно понимать и так, что нельзя идти вперед к проблеме разоружения без одновременного решения других вопросов внешней политики. Эта последняя точка зрения — надуманная. Неоднократно в беседах с нами Генри Киссинджер доказывал, что трудно и даже невозможно поступательно двигаться в каком-то направлении внешней политики, если нет договоренности по другим важным направлениям. И как на хороший образец ведения внешних дел он ссылался на политику Меттерниха, вот куда шагнул. Министр иностранных дел, а потом и канцлер Австрийской империи.

Однако Киссинджер, хотя он человек больших способностей, я уже имел возможность об этом говорить, упустил

из виду существенный факт. Меттерних своей политикой способствовал скорее развалу разбухшей Австрийской империи, чем ее консолидации. По нашему мнению, этот факт никто не может оспаривать, это объективная вещь истории, это нельзя вычеркнуть.

Неоднократно в беседах с нами Генри Киссинджер доказывал, что трудно и даже невозможно поступательно двигаться в каком-то направлении внешней политики, если нет договоренности по другим важным направлениям.

В. К.: Вы знаете, было много переговоров, много аспектов этих переговоров. Сейчас об одном, в частности. Почему Советский Союз в свое время возражал против запрещения ракет с разделяющимися боеголовками, как — это пишут сейчас активно на Западе — предлагалось на переговорах по ОСВ-1?

А. Г.: Советский Союз возражал тогда по простой причине. У США эти ракеты были, у нас еще нет. США стремились закрепить свое монопольное положение и выступили с предложением — запретить производство таких ракет, оставив у себя те, что уже были созданы. Ситуация по этой проблеме оказалась аналогичной той, которая сложилась в свое время, когда США пытались фактически закрепить монопольное положение с ядерным оружием, я уже говорил об этом.

В. К.: И еще один вопрос из популярных на Западе. Насколько повлиял визит президента Никсона в Китай на то, чтобы Советский Союз заключил договор по ОСВ?

А. Г.: Насколько мне известно, визит Никсона в Китай не имел какого-либо непосредственного влияния на то, чтобы заключить советско-американский договор по ограничению стратегических вооружений. Ничего другого по этому поводу я сказать не могу.

В. К.: Но эти вопросы, которые муссируются, обсуждаются, популярные на Западе, и среди них есть еще один такой — насколько серьезно бомбардировка Ханоя и мини-

рование порта Хайфон повлияли на договор или угрожали договору об ОСВ?

А. Г.: Конечно, бомбардировка Ханоя и минирование порта Хайфон, которые провели вооруженные силы США, в какой-то степени создавали трудности на пути к заключению договора по ограничению стратегических вооружений. Эти американские акции осложняли ситуацию в связи с подготовкой договора по ОСВ, но тем не менее в ходе советско-американских встреч на высшем уровне в мае 1972 г. договор ОСВ-1 был подписан.

В. К.: На Западе публикуется огромное количество воспоминаний, статей о подробностях международных переговоров. В частности, много говорится о том, что в Москве за день до подписания договора по ОСВ вы все еще до полуночи продолжали переговоры с Генри Киссинджером. Что это были за проблемы, которые оказалось так трудно решить?

А. Г.: Нехорошо вести ночью переговоры, ночью надо отдыхать. В самом вопросе содержится намек на то, что, дескать, существовали какие-то несогласованные проблемы по самому договору. А их приходилось решать в самый последний день, даже в самые последние часы. Нет, это не так. Договор был согласован и представлен к подписанию. Мы же, я и заместитель председателя Совета Министров СССР Леонид Васильевич Смирнов, вели переговоры с Киссинджером и его советниками относительно толкования отдельных положений договора. Я подчеркиваю, относительно толкования отдельных положений договора. Повторяю, уже не существовало тогда по существу расхождений, мы достигли общего понимания по толкованию статей договора, и ситуация была расчищена.

В. К.: Тут многое стартует от того, что на Западе есть воспоминания государственных деятелей, определенные толкования известных ситуаций. Генри Киссинджер, в частности, утверждает, что вы оба разрабатывали идентичные директивы для делегации в Хельсинки. Не могли бы вы рассказать об этом тоже?

А. Г.: Речь идет, судя по всему, о директивах делегации в связи с завершением общеевропейского Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе в Хельсинки и подписанием его основного документа — заявления. Мы тогда разрабатывали свои директивы, а США, Киссинджер — свои. Принципиальные направления у обеих стран были схожи на той ступени. Надо было прилагать усилия к тому, чтобы совещание в Хельсинки закончить и документы подписать. Но это не значит, что наши позиции совпадали по всем решительно вопросам. По некоторым проблемам разногласия оставались, в частности, это относилось к правам человека. Однако в принципиальном плане директивы совпадали.

Хельсинкский заключительный акт имел или не имел большого значения? Без преувеличения можно сказать, что этот документ — одна из важных страниц послевоенной истории Европы. Он был направлен на закрепление итогов Второй мировой войны, прежде всего территориального порядка. Эту мысль я хотел бы особо подчеркнуть.

Без преувеличения можно сказать, что этот документ — одна из важных страниц послевоенной истории Европы. Он был направлен на закрепление итогов Второй мировой войны, прежде всего территориального порядка.

В. К.: Так или иначе, на Западе сложилось мнение, что многие уступки, сделанные одной из сторон, были связаны с уступками с другой стороны. Поэтому там сейчас многие задают вопрос о том, не был ли удивлен Советский Союз тем, что администрация Картера не использовала прекращение производства бомбардировщика, известного как Б-1, как вопрос для торгов в ходе переговоров о сокращении вооружений в ту пору?

А. Г.: Нет, Советский Союз ничуть не был удивлен этим обстоятельством. Хотя мы знали о факте прекращения производства в Соединенных Штатах бомбардировщика Б-1. А почему, собственно, администрация Картера должна была использовать это свое одностороннее мероприятие для торга на международных переговорах?

В. К.: То есть мы чужую порядочность иногда признаем, и правильно делаем, но здесь идет речь о том, что наши реакции зачастую оценивают, не спрашивая у нас. Мы здесь говорили о Н. С. Хрущеве, о ядерных вооружениях. Вот сейчас на Западе очень часто говорят, что Л. И. Брежнев не был так привержен Владивостокским договоренностям. Так ли это?

А. Г.: Речь, как я понимаю, идет о Владивостокских договоренностях, которые стали результатом встречи в верхах 23 и 24 ноября 1974 г. Путь к ним оказался непростым. Переговоры до встречи во Владивостоке продолжались в течение нескольких лет, на разных уровнях, в разных столицах, на разных континентах. Я и сам принимал участие в переговорах, десятки раз. Обсуждались многие вопросы, но я хотел бы подчеркнуть значение одного — договоренность, которая, собственно говоря, привела к согласию и по многим другим вопросам.

Главное, что являлось препятствием в ходе встречи — это требование США, чтобы мы устранили свои тяжелые межконтинентальные ракеты, либо резко, резко сократили их число. Советская сторона заявила твердо, что она не может пойти на это ввиду наличия у США так называемых средств передового базирования. То есть их баз с ядерным оружием, разбросанных по всему миру, в том числе в Европе, и в первую очередь вдоль границ Советского Союза. Это было хорошо известно и в Москве, и в Вашингтоне, и в других столицах мира. После бурных обсуждений нашли наконец компромиссный вариант, по содержанию примирительный, что касается возможности заключения договора, применительно к договору. Такой вариант, чтобы обе стороны отказались в данном случае от своих требований, о которых я упомянул. Владивостокская договоренность сводилась в основном к тому, что было достигнуто согласие завершить выработку нового соглашения об ограничении стратегических наступательных вооружений. В результате бесед, их было несколько, [ввели] общие потолки на суммарное число носителей стратегического оружия каждой стороны и определенные качественные ограничения в виде лимитов на численность стратегических наступательных

систем, оснащенных разделяющимися головными частями индивидуального наведения.

Так что, как видите, продвижение соглашения во Владивостоке выглядело внушительно. Естественно, что Брежнев, который возглавлял советское руководство и при котором достигались эти договоренности, стремился закрепить их в официальном советско-американском документе. Однако, это стоит сказать, доводить дело до их закрепления в договоре еще пришлось на протяжении пяти лет, когда пришел в Белый дом президент Картер. Он заявил, что одобряет концепцию разрядки и выразил желание углублять советско-американские договоренности. В частности, он хотел в сжатые сроки завершить разработку договора ОСВ-2, который обсуждался во Владивостоке. Только 18 июня 1979 г. удалось подписать договор ОСВ-2, произошло это в столице Австрии Вене, под ним поставили подписи от СССР — Брежнев, от США — Картер. Так что Брежнев не напрасно волновался, уж очень долго затягивалось подписание этого договора. И путь к нему в основном открыли Владивостокские договоренности, это надо сказать, снятие двух позиций — базы передового базирования и тяжелые межконтинентальные ракеты. Временно эти вопросы были отложены, я подчеркиваю, временно.

В. К.: Дело в том, что новая администрация приходит с новым президентом, а вам довелось поработать со многими. Случается, что новый президент чуть-чуть по-другому, иногда очень по-другому, видит политику своей страны, в отличие от своего предшественника. Как было с президентом Картером, подход Картера к контролю над вооружениями намного ли отличался от подхода его предшественников? Какие трудности для советской страны возникали в связи со сменой американских администраций?

А. Г.: Я бы не стал утверждать, что подход Картера в этом вопросе в чем-то существенно отличался от подходов его предшественников. В том-то и дело, что особых отличий не было. Каждая из администраций, начиная со времен Трумэна, исходила из того, что Соединенным Штатам необходимо обла-

дать военным превосходством, это подчеркиваю, необходимо обладать военным превосходством над Советским Союзом. Так что в этом плане американские администрации не отличались одна от другой, как будто они сговорились.

Само собой разумеется, что Советский Союз не мог принять эту позицию. При любой администрации СССР старался добиваться снижения уровня ядерных вооружений, устранения превосходства одной стороны над другой. Вместе с тем хочу подчеркнуть, что мы всегда следовали за США, это очень важно, момент принципиального характера, мы всегда следовали за США в области вооружений и никогда не были впереди них, никогда не были.

В. К.: Это чрезвычайно важно, то, что вы сказали. Вот это именно, что мы шли за Соединенными Штатами. Между тем и сейчас, и в общем, это стало общим местом американской пропаганды, обсуждается вопрос постоянно, что, например, Советский Союз продолжал создавать огромные стратегические ракеты и после того, когда был достигнут военно-стратегический паритет с Соединенными Штатами. Так ли это, и если так, то почему?

А. Г.: Строго говоря, военно-стратегического паритета не было. Говоря о нем, мы всегда добавляли выражение — по существу, получалось — по существу достигнуто. Это добавление не лексического свойства, политики это хорошо знают. В нем был заложен смысл. А что же, скажите, пожалуйста, оставалось делать Советскому Союзу? Когда США на всех парах вооружались, сложить оружие? Обстановка была такой, что интересы нашего государства этого не позволяли. Мы добивались этого с обеих сторон, но к нам не прислушивались. Но и тогда, когда создавались ракеты, мы настаивали на сокращении ядерных вооружений всех видов. Имею в виду, что конкретные параметры и типы ядерного оружия будут в конце концов согласованы. Советский Союз не мог и не желал быть позади в вопросах ядерных вооружений, это диктовалось вопросами его безопасности, интересами этой безопасности. Конечно, в настоящее время мы находимся на большей высоте, чтобы увидеть все то,

что прошли, и дать более объективную оценку того положительного в целом положения, в котором [мы] были тогда.

Строго говоря, военно-стратегического паритета не было. Говоря о нем, мы всегда добавляли выражение — по существу, получалось — по существу достигнуто.

Примерно в конце пребывания во главе [страны] руководства Хрущева и в начальный период после прихода руководства Брежнева ядерные вооружения достигли такого уровня, это очень важно, что страна, у которой их меньше, тоже могла бы нанести сокрушительный удар. Если говорить другими словами, которые затем стали употребляться и политиками, и военными, можно было бы нанести неприемлемый ущерб противнику. Спрашивается — зачем же тогда стране, у которой даже меньше ядерного оружия, накапливать его еще больше. Ведь человек не может умереть дважды. Отсюда напрашивался вывод — можно было бы остановиться, остановиться даже той стране, которая отстала от накопления ядерных арсеналов. Иными словами, уменьшить свои расходы на создание ядерного оружия. Так рассуждаю не только я. И такой вывод для политиков был бы обоснован. Но этого не было сделано.

Я бы добавил, что в той обстановке никто не мог даже заикнуться о необходимости сократить расход на ядерное вооружение. Обстановка, которая сложилась, советско-американские отношения, не способствовала тому, чтобы дать более трезвую оценку положения. Никто из деятелей ни политических, ни военных, никто из ученых, людей, занятых разработкой ядерного оружия, не смел выступить за то, чтобы сократить свое производство ядерного оружия. Хотя такое решение для того времени было бы оправданным, и если бы тогда был сделан такой выбор, то можно было бы по крайней мере несколько миллиардов рублей направить на удовлетворение мирных потребностей страны.

Сегодня мы имеем право быть умнее и смелее. Вот мы, Советский Союз, и подаем сейчас пример в области разоружения. Любой наш односторонний акт в этом направлении

оказывает влияние на общественное мнение, народы. Если одна сторона прибегает к этому, то это должно быть принято во внимание и другими, если эти другие проводят серьезную ответственную политику. Мы исходим при этом из принципа разумной достаточности. Во время выступления на сессии Генеральной Ассамблеи ООН 7 декабря 1988 г. М. С. Горбачев объявил, что в Советском Союзе принято решение существенно сократить объем наших обычных вооружений. Это важное, я бы сказал, этапное решение, это сокращение означает прежде всего, что Советский Союз не только постоянно предлагает разоружаться, не только говорит о разоружении, но и на деле проводит в жизнь политику разоружения. Во всем этом, при всем этом, безопасность страны обеспечивается. Наша страна ставит цель — эффективно способствовать тому, чтобы ядерное оружие было устранено с облика планеты, а ядерная энергия должна использоваться только в мирных целях.

В той обстановке никто не мог даже заикнуться о необходимости сократить расход на ядерное вооружение. Обстановка, которая сложилась, советско-американские отношения, не способствовала тому, чтобы дать более трезвую оценку положения.

В. К.: Разрядка была огромной радостью для всех. Разрядка была огромной победой и не только для нас, хоть в Советском Союзе мы воспринимали ее каждый как личное счастье. И тем не менее к концу деятельности администрации Картера — так, в общем-то, считается на Западе, и, наверное, есть для этого основания — разрядка оказалась мертва. Не думаете ли вы, что мы этому способствовали? Каковы причины этого, по-вашему?

А. Г.: Нет, все же я так не думаю, что мы способствовали. Не мог Советский Союз способствовать крушению в вопросе политики по разрядке просто потому, что все время требовал сокращения и ликвидации ядерного оружия, сокращения обычных вооружений, добивался всеобщего и полного разоружения. Мы всегда исходили при этом из известной

формулы Ленина: разоружение — идеал социализма. Нет, повторяю, не Советский Союз, не его политика были причиной крушения разрядки в начале восьмидесятых годов. За время разрядки было сделано немало положительного, то доброе, что было сделано, оно свой след оставило. Никто не может стереть этого следа. Собственно говоря, понятие разрядки нельзя рассматривать как некую абстракцию. И сейчас разве мы не являемся свидетелями начавшейся разрядки, разве она не имеет места?

Согласитесь, что нет такого точного инструмента со шкалой и цифрами, которым можно было бы измерить степень разрядки. В то же время, особенно после вступления [в силу] советско-американского договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности, можно смело сказать, что разрядка международной напряженности является фактом и роль советской внешней политики, проводимой в настоящее время, в этом хорошо известна. Весь процесс, происходящий в нынешних международных отношениях, редко кто называет разрядкой, чаще всего именуют процессом углубления взаимопонимания и доверия, основанным на современной философии мира, которая во главу угла ставит общечеловеческие ценности, отдавая им приоритет.

После вступления [в силу] советско-американского договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности, можно смело сказать, что разрядка международной напряженности является фактом.

Это глубокая мысль, это как бы эталон для оценки политики во внешних делах любого государства. Задача каждого правительства, каждого руководителя состоит в том, чтобы способствовать углублению этого процесса, как бы он ни назывался, разрядкой или иначе, смысл его должен быть один — движение к стабильному миру на нашей Земле.

В. К.: Вы ответили сейчас на один из важнейших, на принципиальный стратегический вопрос. И сейчас вопрос несколько более частный. Вы, конечно, помните реше-

ние о размещении ракет, которые на Западе называли СС-20. Понимал ли в то время советский руководитель Л. И. Брежнев, какую реакцию со стороны правительств Западной Европы может вызвать такое решение? Как вы считаете?

А. Г.: Я не берусь точно ответить на этот вопрос, понимал ли он или нет такую реакцию. Решение о размещении советских ракет, думаю, не совсем понимал. С основанием это говорю.

В. К.: Понимаете, с этим вопросом связано еще несколько. В частности, такой — было ли решение НАТО разместить крылатые ракеты «Першинг» в Западной Европе угрозой Советскому Союзу? Как вы считаете?

А. Г.: Да, конечно, было угрозой.

В. К.: И вот в 1983 г., считал ли Советский Союз, что размещение ракет в Западной Европе можно было бы приостановить?

А. Г.: Вероятно, можно было бы приостановить, если бы была договоренность между СССР и США об условии этой приостановки.

В. К.: В конечном счете ситуация с ракетами, именуемыми СС-20, прояснилась. Почему Советский Союз в итоге согласился избавиться от этих самых СС-20?

А. Г.: Он согласился избавиться от ракет СС-20 при определенных условиях, которые отражены в договоре, это явилось следствием разумного взвешивания всех соображений за и против. И советское руководство единодушно пришло к выводу о необходимости достижения договоренностей на определенных условиях. Значение заключенного договора огромно, это было хорошо разъяснено М. С. Горбачевым и советскому народу, и всему миру. Едва ли есть необходимость распространяться на этот счет.

В. К.: На Западе очень много любят говорить о том, кто выигрывает в процессе разоружения, и критики процесса ограничения стратегических вооружений в Соеди-

ненных Штатах считают, что он не равноценен, протекает в пользу Советского Союза. Что бы вы могли противопоставить таким утверждениям?

А. Г.: Эти критики необъективны, их выводы несерьезны. Весь этот процесс равноценен, в процессе ограничения стратегического вооружения выигрывают одинаково и Советский Союз, и США. Как может быть этот процесс не равноценен? Ведь в ходе него каждая из сторон имеет возможность доказывать обоснованность своей позиции, взвешивать все за или против по каждому предложению партнера, по каждой статье того или иного договора, и уже договора, вступившего в силу и действующего. По каждому шагу имеет возможность отстаивать свои законные интересы, если нужно согласовывать с точки зрения практического выполнения осуществления договора. Разве можно в таких условиях говорить о неравноценности процесса? Конечно, нельзя. Итог определенного периода переговоров по ограничению стратегических вооружений подводился, когда подписывается очередной договор. Разве не об этом говорит хотя бы тот же самый договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности. Он подробно обсуждался обеими сторонами до подписания, в процессе ратификации сенаторами, конгрессменами США и депутатами Верховного Совета СССР. Не вижу в этом вопросе никакой односторонней пользы.

В. К.: Вы один из авторитетнейших, из опытных политиков мира. Какие моменты на основании вашего огромного опыта и по вашему мнению, являются решающими сейчас, в эпоху, которую называют эпохой ядерной дипломатии?

А. Г.: Все ядерные державы, а также все другие государства, все народы, все государственные деятели, каждый человек на Земле — должны осознавать, что ядерное оружие должно быть уничтожено. Не может быть гарантирована безопасность, гарантирована в мире, если оно будет существовать. За его уничтожение ведет борьбу Советский Союз, другие социалистические государства, наши друзья и союзники. Мы не прекратим эту борьбу и вместе с тем будем стараться убеждать все другие страны в том, что ядерная

энергия должна быть использована только для блага человечества. Мы убеждаем, сейчас практически все политические деятели это великолепно понимают, что если ядерное оружие выйдет из-под контроля в случае политических просчетов, нарочитых или не нарочитых, и будет применено, [это] станет катаклизмом для всего мира.

Все ядерные державы, а также все другие государства, все народы, все государственные деятели, каждый человек на Земле — должны осознавать, что ядерное оружие должно быть уничтожено.

Тут я хотел бы вспомнить слова, сказанные мне лично при встрече в США с великим ученым, перед памятью которого каждый разумный человек снимает шляпу и сегодня. Звали его Альберт Эйнштейн, он сказал: «Президенту Рузвельту я сообщил, что людей в связи с атомной бомбой, возможно, ожидает несчастье, мое мнение сейчас уже хорошо известно». Он его довел [обращение] до сведения народа, содержание его обращения президенту было опубликовано американской печатью. Здешние парни, он так выразился, здешние парни не очень ясно представляют себе, какая судьба ожидает тот круглый корабль, на котором мы все, в том числе и американцы, сейчас находимся. Под «парнями» великий ученый подразумевал политиков США, того времени, разумеется, которые должны вынести свое суждение в отношении окончательной судьбы ядерного оружия. А под «круглым кораблем», конечно же, — нашу Землю. Он тут же заметил — если бы все зависело от людей науки, то, по-моему, американские ученые в подавляющем большинстве высказались бы за запрещение этого страшного оружия. И сейчас у меня в ушах звучат эти его слова. Хотя в беседе он произнес их в обычной манере — тихо, спокойно.

Попутно хочу сказать о другом ученом, тоже очень крупном, хорошо известном не только в США, но и в целом в мире — Оппенгеймере. Это в известном смысле человек такой драматической судьбы. Хорошо известно, что он был главным научным консультантом в процессе производства

США первой атомной бомбы. При нем, с его участием, она появилась. Он, когда это было сделано, являлся советником, старшим советником Баруха, американского представителя в атомной комиссии. И я должен сказать, что позиция его была уже не та, которую он раньше занимал, он перешел на иную позицию, он делал определенный честный вывод из положения, вывод о том, что надо находить пути к устранению атомного оружия, иначе может быть катастрофа для мира. Таким образом, с одной стороны, он является главным ученым, советником политика, американского представителя в атомной комиссии, и должен быть его опорой. С другой стороны, он занимает позицию, что атомное оружие — мы сейчас говорим «ядерное оружие» — должно быть уничтожено. Самой правильной, честной позиции стал придерживаться. И он не изменил своим взглядам, он остался тем Оппенгеймером, каким он стал потом, позже, на втором этапе, когда уже атомная бомба появилась. Нелегко ему было, он был окружен атмосферой, если можно так выразиться, остракизма в политическом смысле, и к этому приложила руку американская администрация.

Видел я его после этого один раз при несколько странных обстоятельствах. Я вместе с моими коллегами прибыл из Женевы, с коллегами от трех держав — Англии, Франции, США, из Женевы, где мы были на совещании, чтобы принять участие в похоронах Даллеса. Когда мы из собора ехали на Арлингтонское кладбище, в Вашингтоне рядом со мной поравнялась машина, и [кто-то] активно машет рукой. Вижу, сидит Оппенгеймер, он меня узнал, и я его, мы обменялись дружескими жестами, помахали друг другу. После этого я его уже не видел. Думаю, что на кладбище он все-таки не поехал, поехал по своим делам, иначе я бы его там увидел. Честь ему делают, американскому ученому Оппенгеймеру, его взгляды последнего времени.

Я не могу не сказать и про еще одного ученого — Жолио Кюри, француз, это яркая личность в научном мире, он был советником по научным вопросам французского политического представителя в атомной комиссии. Он тоже занимал позицию обоснованную, направленную на то, чтобы вести

дело к полному запрещению атомного оружия, для того, чтобы атомная и ядерная энергия использовались только для блага человечества. Так что просто хочется снять шляпу перед тремя яркими представителями ученого мира, которые оставили глубокий след в истории.

В. К.: Очень интересно. Вы встречались с [выдающимися] учеными, политиками. И сегодня что вы думаете о путях дальнейшего сокращения вооружения, какие препятствия предстоит преодолеть советскому руководству, М. С. Горбачеву на пути к достижению цели, избавлению от всех видов ядерного оружия?

А. Г.: Я уже сказал, что требуется для сокращения вооружений. Как первая и главная цель — ликвидация ядерного оружия, ликвидация. Для этого надо упорно вести переговоры, проявлять со всей решительностью волю с обеих сторон, я бы сказал точнее, со всех сторон, но реально, если смотреть, только две стороны присутствуют. Только так можно добиться полного уничтожения ядерного оружия и прийти к безъядерному миру. Конечно, для этого М. С. Горбачеву и всему советскому руководству, да и всему народу придется еще преодолеть огромные препятствия, а параллельно необходимо вести процесс сокращения обычных вооружений. Программу действий, которую Советский Союз предлагает человечеству, чтобы прийти к безъядерному миру, блестяще изложил М. С. Горбачев. В частности, на Генеральной Ассамблее ООН он говорил от имени всего советского народа.

В. К.: И, пожалуй, вопрос, ответ на который вы знаете точнее многих. Все-таки, вот после всего, что пережито, после всего, что вы знаете. Как вы считаете, возможно ли вообще создание мира, свободного от ядерного оружия?

А. Г.: Мой ответ — да, возможно. Это зависит от людей, от политических деятелей, от понимания ими той ответственности, которая на них лежит в связи с этим. Земля без ядерного оружия, вода без ядерного оружия.

**ПОСЛЕДНЕЕ ИНТЕРВЬЮ
АНДРЕЯ АНДРЕЕВИЧА ГРОМЫКО**

Редактор — *Ал. А. Громыко*
Дизайнер-верстальщик — *М. С. Волохов*
Корректор — *А. И. Топычканова*

Подписано в печать 05.04.2019.
Формат 60×90/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Bitter. Цифровая печать.
Тираж 200 экз.

Отпечатано в типографии ООО «Паблит»
127282, Москва, ул. Полярная, д. 31В, стр. 1, Тел.: (495) 230-20-52

